

1. Дьякова, Т.В. Основные принципы и структура новостных сообщений / Т.В. Дьякова – Текст: электронный // Lingua mobilis – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printipy-i-struktura-novostnyh-soobscheniy> (дата обращения: 24.12.2024).
2. Иванова, С.В. Новость как дискурсивный жанр: не отсутствующая структура / С.В. Иванова – Текст: электронный // Terra Linguistica. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novost-kak-diskursivnyy-zhanr-ne-otststvuyushchaya-struktura> (дата обращения: 22.12.2024).
3. Тертычный, А.А. Понимание журналистики: что такое «Журналистика» в современной цифровой среде? / А.А. Тертычный – Текст: электронный // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2014. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oporyatynou-osnove-sovremennoy-teorii-zhurnalistiki> (дата обращения: 25.12.2024).
4. Комиссаров, В.Н. Перевод, как лингвистическая проблема // Проблемы переводческой интерпретации текста в трудах российских лингвистов конца 20-го, начала 21-го веков: хрестоматия / Б.О. Маргарян, К.Ш. Абрамян. – Ереван: Лингва, 2009. – 253 с.
5. Воробьева, О.И. Теория и практика перевода. Лексические и стилистические аспекты: метод. рекомендации / О.И. Воробьева; М-во образования РБ, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Каф. английской филологии. – Витебск ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – 50 с. URI: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/3259>.

## НАЗВАНИЯ ЛЕСНЫХ ЯГОД БЕЛАРУСИ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ФОНЕ

*Л.М. Вардомацкий  
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В настоящее время уже не вызывает сомнений тезис о том, что изучение языка любого народа одновременно есть изучение самого народа. Как и наоборот – всестороннее изучение этноса возможно только через изучение особенностей его языка. Потому что именно в языке (и только в языке, в его разнообразных формах) зашифровано понимание человеком его места в системе бытия, его отношение с другими людьми и с миром природы, которая, понимаемая в самом широком смысле, по сути, является местом обитания с момента зарождения человека и на протяжении всей его истории. Причем, как уже неоднократно подчеркивалось различными языковедами, изучение любого языка требует глубинного погружения в изучение соотношения «внешняя и внутренняя форма слова». Так, например, В.А. Плунгян отмечает, что «язык как бы отражает общие представления всех говорящих на нем людей представления о том, как устроен мир. А эти представления ... будут лишь одной из возможных «картин мира» [1, с. 196]. Считают, что такое мнение о специфичности реализации в разных языках одних и тех же понятий было высказано американским лингвистом Эдвардом Сепиром, который почти 100 лет назад сделал вывод о том, что единственно возможная форма объективного понимания природы опыта представлена именно в языке. Однако следует отметить, что еще за 200 лет до Э. Сепира подобное понимание взаимозависимости «язык – народ» высказывал еще немецкий философ Иоганн Гердер, который говорил о языке как о «зеркале народа» [2].

Как видим, проблема изучения особенностей мировосприятия народа через изучение его языка имеет достаточно длительную историю. Однако ряд вопросов все еще остается за пределами научного разрешения. И это, в частности, касается попыток понять и описать причины различного лексико-грамматического оформления одних и тех же явлений действительности, природных явлений, предметов окружающей среды даже генеалогически близкородственными народами. И поэтому обозначенная тема продолжает оставаться *актуальной* в современном языкознании. Историко-сопоставительный подход к пониманию и объяснению лексического состава, фонетической и грамматической структуры современного языка позволяет объективно оценить и аргументированно объяснить особенности его современного состояния, видеть исторические корни тех или иных языковых явлений [3].

*Цель* данной работы – на основе сопоставительного исследования небольшого фрагмента лексики славянских языков попытаться определить общие черты и особенности восприятия разными народами одних и тех же объектов действительности, что привело к созданию в различных близкородственных языках различных номинативных единиц для исследуемых денотатов.

**Материал и методы.** Материалом для исследования послужили названия лесных ягод в русском языке в сопоставлении с их названиями в западно- и южнославянских языках, выбранные из различных лингвистических словарей, словарей биологической терминологии и номенклатуры, а также полученные в результате наших собственных наблюдений. Основной метод исследования – сопоставительный с использованием метода этимологического анализа.

**Результаты и их обсуждение.** Окружающая природа с самого начала зарождения человека была основным, если не единственным источником питания. Съедобные побеги растений, плоды, ягоды – это то, с чем он сталкивался каждый день. Человек познавал окружающий мир, а значит, давал названия составляющим его элементам. И конечно, важнейшими из них были как раз те, которые обеспечивали его жизнедеятельность, составляли рацион его питания, а в необходимых случаях и лечения, восстановления сил. И не будет преувеличением предположить, что лесные ягоды в этом рационе были далеко не на последнем месте. А, следовательно, группа лексики – названия лесных ягод – относится к древнейшему пласту в словаре современного человека. Исходя из такой логики естественно предположить, что эти названия должны быть одинаковыми (или хотя бы очень близкими) в языках одной языковой группы. Однако ответ оказывается не таким однозначным. Для установления общности / различий сопоставим номинации лесных ягод в славянских языках, привлекая в качестве примеров номинации из трех восточнославянских, трех южнославянских и трех западнославянских языков.

**Белор. ягада** (лат. Васса); русск. ягода; укр. ягода; блг. ягода, зрънце; срб. берри; слвн. berry; словц. bobule; полск. Jagoda; чешск. bobule; Срезн.: агода – в основном по отношению к винограду: “Яко лоуспа шипъчна агоде ти” – ‘Как кожура граната ягоды те’. (Здесь и далее по тексту по техническим причинам отдельные буквы древней кириллицы передаются современной графикой – Л.М.В.).

**Белор. брусніцы** (лат. Vaccinium L.); русск. брусника; укр. брусница; блг. боровинка; срб. цовберри; слвн. brusnica; словц. brusnica obyčajná; полск. brusznica; чешск. brusinka.

**Белор. чарніцы** (лат. Vaccinium L.); русск. черника; укр. чорниця; блг. боровинка; срб. боровница; слвн. borovnica; словц. Čižoriedka; полск. Jagoda (borówka); чешск. borůvka.

**Белор. дурніцы** (буякі) (лат. Vaccinium L.); русск. голубика; укр. лохина; блг. боровинка; срб. боровница; слвн. borovnica; словц. Čižoriedka; полск. jagoda; чешск. borůvka. В словаре Древнерусского языка Срезневского. слово не представлено.

**Белор. журавіны** (лат. Oxycoccus Adans.); русск. клюква; укр. журавлина; блг. червена боровинка; срб. брусница; слвн. brusnica; полск. żurawina; чешск. brusinka; словц. brusnica.

**Белор. суніцы** (лат. Fragaria); русск. земляника; укр. суніця; блг. горска ягода (дива ягода); срб. шумска јагода (дивља јагода); слвн. gozdna jagoda; полск. poziomki leśne; чешск. lesní jahoda; словц. lesná jahoda.

**Белор. маліна** (-ны, мн.ч.) (лат. Rubus idaeus); русск. малина; укр. малина; блг. малина; срб. малина; слвн. malina; полск. malina; чешск. malina; словц. malina.

**Белор. касцяніка** (-цы, мн.ч.) (лат. Rubus saxatilis; Васса lapis – ‘каменная ягода’); русск. костяника; укр. костяника; блг. костилка, каменно зрънце; срб. камена бобица, камена јагода – ‘каменная земляника’; слвн. koščičasta jagoda – ‘каменная земляника’; полск. Jagoda pestkowa – ‘каменная ягода’; чешск. kamenná bobule – ‘каменная ягода’; словц. kamenná bobuľka.

Как видно, список съедобных дикорастущих ягод, известных всем славянским народам (а в нашем случае мы ограничились только славянскими языками), не отличается многочисленностью. Обобщающее название для всей этой группы

представлено тремя номинациями (в языковых разновидностях): *ягода* (в русск., блр., укр, блг., плск.), *bobule* (в слвцк, чшск.), *berry* (в срб. и слвн.). В данном случае исходным (древнейшим) следует считать номинацию *ягода*, представленную еще старославянским вариантом общеславянского слова, о чем говорит приставной [j-] перед начальным [а]. Сравним: *ягненок* и *агнец*, *я* и *аз* (в блг.). Обратим также внимание на замечание И.И. Срезневского: «На выговоре *а*, *аи* не *ја*, в этом слове указывают производныя агодичие и агодичина» [4; с. 5-6].

**Bobule** в чешском и словацком языках – вторичное название народно-диалектного происхождения, которое используется для обозначения любой ягоды. Вместе с тем чешскому языку известно и общеславянское *jahoda* = клубника, и *lesní jahody* – земляника.

Сербское и словенское **berry** – очевидное английское заимствование, которое в древнеанглийском обозначало ягоду винограда. Ср. в немецком – *Beere*, что указывает на общегерманский источник этого слова.

Наконец, болгарское **зрънце** также следует считать вторичной номинацией, восходящей к уменьшительной форме *зернышко*.

Таким образом, обобщающая номинация для всех видов лесных ягод является исторически общей для всех славянских языков и восходит к форме *jagoda*.

Что касается собственно названий отдельных видов ягод, то здесь лексико-грамматическим единством отличается только название *малина*, которое присутствует сегодня во всех славянских языках. Этимологический онлайн-словарь русского языка Семёнова А.В. утверждает, что в русском языке это слово появилось только в XVII веке. А это может быть свидетельством его более позднего заимствования. Тем более, что и в словаре древнерусского языка И.И. Срезневского это название тоже не представлено, как не представлены в нем и названия всех других ягод, приведенных выше. Можно ли из этого делать вывод, что ягода малина до XVII века не была известна на Руси? С таким утверждением трудно согласиться. Одновременное распространение этого вида ягодных кустарников и его плодов по всей обширной славянской территории с сохранением общего для всех названия мало вероятно, а практически – невозможно. Тем более, в том же словаре А.В. Семенова утверждается, что слово *малина* – общеславянское, «но происхождение его неясно». А.М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка) находит общие для этого слова корни в германских, балтийских и древнеиндийском, что свидетельствует о древности и широком распространении этого ягодного кустарника на обширном индоевропейском фоне. Но историческое языкознание пока что не дает ответа, почему для названия этой ягоды – *малины* – так и не сформировались (или, во всяком случае, не получили доминирующего развития) местные, диалектные, ставшие национальными, названия. В отличие от названий других ягод, которые в разных славянских языках представлены целыми группами вариантов.

**Заключение.** Лесные ягоды в жизни людей занимали особое место еще до развития активного земледелия. Интуитивно они воспринимались как ценный источник витаминов, необходимых для их физического здоровья. Сравнительно-историческое изучение таких номинаций интересно и перспективно, поскольку дает возможность судить об особенностях взаимоотношения человека и окружающего мира, человека и природы и о тех качественных особенностях природных объектов, которые казались человеку наиболее важными и значимыми и, следовательно, были положены в основу номинаций.

1. Плунгян, В.Н. Почему языки такие разные / В.Н. Плунгян. – М., 2012. – 272 с.

2. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://concepture.club/post/obrazovanie/teorii-kak-jazyk-vlijaet-na-kartinu-miragipoteza-lingvisticheskoi-otnositelnosti-sepira-uorfa>. Дата доступа: 29.03.2021 г.

3. Вардомацкий, Л.М. Региональные особенности языка в памятниках белорусской письменности XVII в. / Л.М. Вардомацкий. [Электронный ресурс]: URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/10376>.

4. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. [Электронный ресурс]: URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>. Дата доступа: 15.01.2025 г.